

В огромном выставочном зале Сы Яочэнь и его близкий друг Фэн Шуаншуан с вожделением разглядывали отреставрированные украшения, лежавшие за стеклянными витринами.

— До чего же красиво, — Сы Яочэнь никак не мог оторвать взгляд от витрины, ему всё казалось, что он посмотрел недостаточно. — Как же повезло людям в древности: могли носить изящные ханьфу, каждый день украшать себя красивыми, сверкающими заколками и шпильками.

Фэн Шуаншуан закатил глаза. У его лучшего друга не было других увлечений, кроме одержимости ханьфу и всевозможными древними украшениями. По его мнению, Сы Яочэня стоило бы звать Сы Яоцян — вечно голодный до денег, он, подобно юному дракону из легенд, всегда смотрел на блестящие вещи с обожанием.

— Музей скоро закрывается, Сы Яочэнь, приди в себя, пошли уже!

Они неспешно вышли на улицу. Фэн Шуаншуан сел в машину к своему парню и уехал, а Сы Яочэнь напоследок еще раз обернулся на здание музея.

— Вот бы жить в те времена, — вздохнул он.

Внезапно он почувствовал странную невесомость, и в следующее мгновение его фигура исчезла с того места, где он стоял.

231-й год правления династии Ин, горы за деревней Чишуй.

Деревья, высокие и низкие, переплетались между собой, а густой туман, поднимавшийся от земли, придавал лесу еще более зловещий и глубокий вид. В этот самый момент белая тень внезапно подпрыгнула вверх и замерла в воздухе. Если бы кто-то оказался рядом, то наверняка лишился бы чувств от ужаса.

Но если присмотреться, становилось ясно: белая тень — это юноша в грубом белом одеянии, и он вовсе не парит, а просто встал на камень.

— За доброту, с которой вы меня растили, я отплачу в следующей жизни, — прошептал юноша.

Он протянул руку, ухватился за петлю из пеньковой веревки, висевшую совсем близко, и, подняв изящную шею, просунул голову внутрь. Однако, прежде чем его ноги успели оторваться от камня, он внезапно открыл глаза. В них читалось недоумение, но решимости умереть не осталось и следа.

— Черт возьми, что происходит? Кхе-кхе! — Сы Яочэнь поспешно выпрямился, ухватившись руками за веревку, чтобы спастись.

Он же только что был в музее, пуская слюни на роскошные украшения, как вдруг, стоило ему моргнуть, он превратился в повешенного?

Он поспешно соскочил с камня и обессиленно прислонился к дереву. Взглянув на петлю, он смахнул со лба капли пота, которые заливали глаза. Только сейчас он заметил, во что одет: на нем была старая, дурно пахнущая грубая домотканая одежда, но фасон ему был до боли знаком.

Это что, древний костюм?

Несмотря на разгар лета, когда человеку достаточно постоять на солнце пару минут, чтобы взмокнуть, в этом горном лесу веяло могильным холодом. Сы Яочэнь невольно сглотнул слюну и в панике огляделся: вокруг только трава да деревья, ни души. Судя по сотням прочитанных им романов, он... неужели он переместился в древность?

Внезапно неподалеку послышались шаги — беспорядочные и поспешные, выдававшие крайнюю тревогу идущего.

— Чэнь! Чэнь-эр! Мама пришла к тебе!

Он поднял глаза и увидел изможденную женщину, которая, спотыкаясь, бежала к нему.

— Мама... — вырвалось у Сы Яочэня, после чего, увидев радость в глазах женщины, он провалился в небытие.

В калейдоскопе странных и причудливых образов Сы Яочэнь, словно сторонний наблюдатель, молча впитывал все воспоминания юноши, включая причину, по которой тот оказался в лесу.

Это была династия Ин — эпоха, о которой он никогда не слышал. В этом мире, помимо мужчин и женщин, существовал третий пол: Сяогэ, способные рожать детей. Их отличительной чертой была родинка цвета киновари на сгибе локтя. Например, старший брат этого тела был как раз Сяогэ.

В глубине души Сы Яочэнь был категорически против. Мужчина, рожаящий детей... не слишком ли это экстремально?

<http://bllate.org/book/19069/1872926>